

Труд - 1991 - 10 дек.

СОЗДАТЕЛЬ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

К 225-летию Н. М. Карамзина

Для общества, для его духовной жизни во все времена, а в некоторые десятилетия особенно, необходимы такие писатели, которые наряду с тем, что они сами создают произведения, определяющие значение непреходящих фактов национальной и даже мировой культуры, еще и определяют пути развития, черты и качества литературы своего народа на ближайшие десятилетия, а может быть, и на века.

Именно таким писателем был Карамзин.

Конечно, он исполнил свою выдающуюся роль только потому, что за его спиной и рядом с ним стояли Ломоносов, Херасков, Фонвизин, Радищев, Державин, Крылов, но роль Карамзина в этом выдающемся ансамбле оставалась его собственной, и любое значительное качество русской классики XIX века уже просматривается в его творчестве. И не только просматривается, но и надолго закладывается русской литературе.

Начнем с того, что именно Карамзин определил широту и диапазон русской классики, практическую ее безграничность, когда писателю подвластен и повседневный эпизод из жизни простолюдина, и историческое событие того масштаба, в котором формируется и государственность, и сама народность.

Слиянность же эта могла быть осуществлена литературной практикой только при наличии соответствующего языка, который обладал бы способностью без затруднений выражать как явления истории, так и современного быта — житейского и духовного.

Еще Ломоносов разделил русский литературный язык на три стиля: «высокий», «посредственный» и «низкий», причем «низким» он полагал язык разговорный, в отличие от древнеславянского — общедоступный. Но до Карамзина никому и в голову не приходило, что такой возвышенный предмет, как история, можно толковать в стиле «низком», беллетризованном, что это можно и даже нужно хотя бы потому, что история совершается не только выдающимися личностями, но и народом, и народ может полагать историю своей — своей собственностью, средой своего обитания, происхождения и развития.

«Должно приучить россиян к уважению собственного», — говорил Карамзин, и вот когда вышел девятый том его «Истории государства Российского», свидетельствует современник, — а это было в 1821 году — «в Петербурге оттого такая пустота на улицах, что все углублены в царствование Иоанна Грозного».

Еще я думаю, что понятие жанра в русской литературе тоже очень многим обязано Карамзину.

Кажется, будто последующему русскому литературоведению и литераторам только и было дел, что присвоить различным произведениям этого автора вновь созданные жанровые обозначения: вот это — рассказ, а это — эссе, а это иронические (лирические, литературоведческие, документальные, исторические) заметки.

Более того, мне думается, что если бы не творчество Карамзина и не его универсальность, то и сами понятия жанра были бы выработаны гораздо позже, из анализа произведений лишь многих и многих более поздних писателей. Может быть, понятия жанров, их классификация создавались и без учета творческого опыта Карамзина, но это только значит, что литературоведение не умело в полную меру воспользоваться его произведениями, два века тому назад предоставившими науке столь богатый и даже исчерпывающий опыт, которым позже блестяще воспользовался Пушкин.

И понимание истории, стиль и язык «Истории Пугачевского бунта» и «Капитанской дочки» — непосредственное продолжение Карамзина-историка и Карамзина-беллетриста. Пушкин не только этого не скрывал, он гордился этим — ведь продолжение и утверждение того или иного дела, той или иной победы иной раз ничуть не проще и не легче самой победы.

Более того, и это вполне естественно, и Карамзина и Пушкина привлекали одни и те же исторические фигуры — Иван Грозный, Борис Годунов, Петр Первый, Емельян Пугачев. Пушкин во многом усвоил и карамзинское отношение к тенденции разрушения государственности, к мятежу.

Непосредственное влияние Карамзина я чувствую в творчестве Лермонтова. Проживи Лермонтов дольше, наверное, с годами это влияние только усилилось бы, хотя бы потому, что годы жизни влекут писателей к истории. Но и теперь самое

большое впечатление «Песня о купце Калашникове» производит на меня, если я читаю ее вслед за «Марфой Посадницей», ну, а «Герой нашего времени» — не навел ли он карамзинским (пусть и незаконченным) «Рыцарем нашего времени»?

И еще, на мой взгляд, очень существенное качество Карамзина: кроме писателя-беллетриста, кроме писателя-историка я вижу в Карамзине еще и писателя-путешественника. И эту страсть Карамзин тоже внушил нашей литературе XIX, XX веков. Достаточно вспомнить домоседа Гончарова, вдруг пустившегося в путешествие на фрегате «Паллада», Гоголя, Достоевского, Толстого, Чехова, чтоб убедиться в этом.

Русского писателя-путешественника (за исключением разве что Гумилева) привлекала не экзотика и не охотничьи страсти, а самая обычная жизнь в государствах преимущественно европейских потому, во-первых, что корни нашей собственной культуры всегда были и остаются там, в Европе, и потому, во-вторых, что истина Родины дается в сравнении, а сравнение следовало искать не в Азии, не в Америке, а опять-таки в Европе.

Тут же хочу заметить, что ведь сама географическая протяженность России уже обязывала русских людей быть путешественниками, и вот миллионами путешествовали по стране богомольцы, а самая ordinaria поездка из Москвы или Петербурга на кавказские воды или в армейскую службу уже была путешествием. Пушкин так и обозначил подобного рода командировку в действующую армию: «Путешествие в Арзрум».

Следуя этому импульсу, Карамзин на двадцать третьем году жизни пускается в путешествие по Европе, причем как оказалось, не только ради того, чтобы набраться там мудрости, но и чтобы свою мудрость, свои знания поведать выдающимся европейским умам. Другое дело, что общение это было необходимо прежде всего ему самому: в знакомстве с незнакомым, уже сегодня значительным для истории, едва ли не более, чем в чем-то другом, открываются ум и душа человека, а в художнике — его художественность. Открывается все то, что мы называем дарованием, а также и тактичность и приемлемость дарования окружающими людьми. С этой точки зрения Карамзин безупречен, как и положено было быть основоположнику столь деликатного литературного направления не только литературного, но и философского, и нравственного.

И вот я думаю, что мы все еще не отдаем себе отчета в том, какую роль сыграли путешествия в литературе, мы полагаем, что литература путешествий — не более, чем эпизод в ее развитии, но, мне кажется, это не так. Я думаю, что великая литература была создана Европой именно в то время, когда европейцы стали великими путешественниками, китайцы и японцы не путешествовали, жили изолированно, и духовное, и литературное развитие тоже замерло; географические открытия русских перекинулись даже в двадцатый век, соответственно сдвинулась и русская литературная классика.

Конечно, применительно к истории не может быть коэффициента корреляции, равного единице, но ведь вельзя отрицать и того факта, что времена Колумба, Кука, Магеллана, Стэнли, Амундсена, Хабарова, Дежнева, Миклухо-Маклая, Пржевальского совпали с временами Шекспира, Сервантеса, Гете, Байрона, Пушкина, Толстого. Само представление о том, что мир все еще неизведан — есть самый сильный стимул для искусства, а когда закончилось составление географической карты мира, произошел и закат искусства, и в нем тоже закончилось составление карты жанров. Дада: для того чтобы открыть в самом себе нечто, нужно открытие в мире. И Возрождение было союзом открытий — и географических, и в области искусства.

Карамзин — это одно из начал такого величайшего явления, каким представляется нам русская классическая литература, он же — едва ли не первый истолкователь русской истории в ее систематическом, а значит, и современном понимании.

Жизнь, чем дальше, тем все больше и больше становится стремительной. Прошло всего два с четвертью века со дня рождения Карамзина, но он уже начало той эпохи, которая мигует на наших глазах. Но именно как ее начало, как ее величие он и необходим нам тем больше, чем больше мы нуждаемся в утверждении себя в этом мире.

Сергей ЗАЛЫГИН.

147